

ВСТРЕЧИ, КОТОРЫХ НЕ БЫЛО

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Вереск
кофейня

КОФЕ		ДЕСЕРТЫ	
Эспрессо	110	Мороженый торт	190
Американо	130	Лимонный торт	190
Капучино	150	Булочка с маком	130
Латте	150	Миндальное печенье	90
Раф	180		
Флат уайт	160		

Никита Цой

Никита Цой

Встречи, которых не было

<https://litres.ru/74091141>

SelfPub; 2026

Аннотация

Кто-то не пришел, кто-то опоздал, а кому-то не суждено было пересечься в стремительном потоке времени. А кому-то просто не повезло.

«Встречи, которых не было» — сборник рассказов в самых разных жанрах и на самые разные темы. Здесь найдутся мистические, любовные, трагичные и даже одна забавная история из жизни.

Если вам хочется ощутить всю палитру эмоций, эта книга — ваш идеальный спутник на вечер.

Содержание

Свидание	4
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Встречи, которых не было

Свидание

Кофейня называлась «Вереск».

Когда-то это казалось ей красивым названием. Неброским, по-питерски аутентичным, напоминающим о местах, где она выросла. О Сибири. Здесь можно было часами сидеть у окна, греть ладони о горячую кружку и делать вид, что жизнь сложилась, все успелось, а то, что должно состояться - состоялось.

Теперь же «Вереск» казался почти скучным.

За последний год в городе открылось столько кофеен, что каждой новой приходилось стараться быть непохожей на остальные и оттого они становились похожими буквально на все сразу. Стеклянные стены, белые столешницы, неоновые вывески, десерты с несъедобными названиями, бариста с татуировками на пальцах. На их фоне «Вереск» выглядел скучным и немного старомодным. Слишком темные интерьеры, слишком скрипучие стулья и слишком много сухоцветов в пузатых вазах. А еще низко висящие лампы под зелеными абажурами, от которых лица посетителей казались не такими, какими были на самом деле.

И всё же встретиться они договорились именно здесь.

Она остановилась перед дверью, на мгновение положив

ладонь на покрытую мелкой моросью ручку. Двери «Вереска» были до нелепости тяжелыми, будто за ними находилось не маленькое помещение с десертами и кофе, а вход в старую библиотеку, роскошный особняк или старый семейный склеп. Раньше он всегда открывал эту дверь за нее. Не манерно, не с устаревшей у современной молодежи галантностью, а просто потому, что знал: ей трудно. И каждый раз тепло улыбался, когда она делала вид, что и сама бы справилась.

Из кофейни вышла молодая пара. Парень толкнул дверь плечом, его девушка засмеялась и придержала створку локтем, пока он открывал зонт. Она воспользовалась этим случайным просветом и проскользнула внутрь, пока дверь не успела закрыться.

Внутри ожидаемо пахло кофе, корицей и чем-то, в чем совершенно точно была ваниль. Где-то за стойкой шипела кофемашина. За стеклянной витриной лежали симметрично разложенные куски морковного пирога, лимонные тарталетки и толстые булочки с маком. На подоконниках стояли горшки с вереском. Настоящим или искусственным — она никогда не могла понять. И проверять желания не имела. Высокие растения в кадках делили зал на маленькие укромные участки, скрывая гостей друг от друга, чтобы сбереечь их разговоры, неловкость, их расставания и примирения.

Он сидел в дальнем углу. Там же, где и раньше, когда они посещали это место по пятницам, будучи еще юными сту-

дентами.

Их любимый столик отгораживался от остального зала высокими растениями с длинными глянцевыми листьями. В этом углу всегда было чуть темнее, чем везде. А еще отсюда не было видно окон и казалось, что весь город за стеклами будто бы исчезал. Останавливал свое бесконечное, доводящее до безумия движение.

Он пришел раньше.

Конечно же он пришел раньше.

За тот год, что они не виделись, он почти не изменился. Во всяком случае, ей очень хотелось в это верить. Прическа стала чуть короче, у висков появилось несколько седых волосков, которых раньше не было. Лицо осунулось, глаза стали чуть более впалыми, а борода так и требовала свидания с бритвой. Но это был он. Тот самый человек, которого она уже год пыталась разлюбить. Казалось, еще вчера она читала мотивирующие книжки, изучала психологию в интернете, с упрямством, достойным более полезного применения. Но сейчас все советы, практики и волевые упражнения полностью вылетели из головы. Она все забыла, будто бы это было не вчера, а когда-то очень давно.

Год назад они расстались. Спокойно и тихо. Без криков, без оскорблений, без драматичных сцен, которые потом можно пересказывать подругам. И оттого было только больнее. Они уже выбирали месяц свадьбы, присматривали ему костюм-тройку, смеялись над чужими фотографиями из сва-

дебных салонов, пока она мерила платье за платьем. И ни одно из них ему не показала. Тогда всё казалось уже решенным.

А потом их взгляды на будущее перестали совпадать.

Он хотел детей.

Не здесь и сейчас и не сразу троих. Просто хотел. Как человек, который с детства представлял себя отцом, ни разу в жизни не усомнившись в том, что однажды научит кого-то кататься на велосипеде, привьет любовь к научной фантастике и расскажет, что в темноте нет ничего страшного.

Она не могла ему этого дать.

Хотела. Но не могла. И это «не могла» постепенно стало между ними неразрушимой каменной стеной.

Они расстались, потому что любили друг друга достаточно сильно, чтобы не заставляя другого отказываться от самой сокровенной мечты.

Тогда это казалось правильным решением. Не хорошим, а именно правильным. Только потом стало понятно, что правильные решения могут терзать сердца не хуже прочих.

Он позвонил через год. День в день.

Она долго смотрела на его имя в экране телефона и не отвечала, потому что за одну секунду в ней поднялось всё, что она весь год аккуратно складывала в темные ящики на задворках души: обида, нежность, стыд, злость, тоска, страх услышать его голос и еще больший страх не услышать его больше никогда. Когда она всё-таки приняла вызов, он трид-

цать секунд молчал. И в этих тридцати секундах тишины для нее прозвучало гораздо больше слов, чем можно было в них уместить голосом.

Потом он позвал ее, как звал раньше. Не по имени, а так, как обращался к ней только он. От одного этого слова у нее перехватило дыхание, и она сумела только шепнуть: «Привет».

Он говорил негромко, постоянно запинаясь, прерываясь на полуслове. Будто перед этим звонком решил не оправдываться, ни о чем не просить, но всё равно оправдывался и просил. Сказал, что думал о ней весь год, что пытался жить дальше и даже делал вид, будто получается. Что ошибался не в своем видении будущего, а в том, что сумел представить его без нее. Что дети, дом, правильная жизнь, чужие советы и разумные доводы оказались пустыми, потому что ни в одном из этих вариантов не было ее.

Она тогда закрыла глаза и прижала телефон к уху так крепко, будто пыталась физически ощутить его голос. И ответила. Другими словами, но точно то же самое. Начала с того, что в ее квартире по-прежнему стоит его кружка, хотя она несколько раз собиралась убрать это болезненное напоминание на верхнюю полку. А потом добавила, что любовь, оказывается, не умирает даже если причины требуют иного.

Они договорились встретиться в «Вереске».

И сейчас он сидел за их любимым столиком, а она стояла посреди зала и вдруг почувствовала себя так, будто пришла

не к человеку, которого знала лучше всех на свете, а на первое свидание.

Она нервно поправила воротник кардигана. Чуть влажный, оттого что на улице шла мелкая морось. Пригладила волосы. Мимо прошла официантка с подносом, на котором дрожали две чашки капучино, и не задела ее лишь чудом. Даже не обернулась на вомущенную гостью.

Она молча подошла к столику. А он сидел, сцепив перед собой пальцы и смотрел в кружку. Боялся поднять на нее взгляд. Она присела.

Ее любимое кресло, расшатанное и скрипучее, в этот раз не скрипнуло. Видимо, починили.

Он не улыбнулся. Только взглянул на нее так, что все заготовленные ею слова сразу стали ненужными. Его взгляд был настолько усталым, полным боли и одновременно невероятной нежности, что на секунду она пожалела, что пришла. Что если не получится? Снова придется переживать это?

На столе уже стояли две чашки.

Перед ним — черный кофе без сахара. Перед ней — латте с корицей.

Ее любимый.

Рядом лежала маленькая тарелка с миндальным печеньем, которое она всегда брала здесь раньше и каждый раз обещала себе больше не брать, потому что оно слишком сладкое. И все равно брала.

Он помнил.

Конечно же помнил.

Она смотрела робко и молча. Всё ее внимание было приковано не к глазам, а к его рукам. К тонким, жилистым кистям, к едва заметному следу от старого ожога возле большого пальца. К отсутствующему обручальному кольцу. Кольца остались у нее.

Ей захотелось накрыть его ладонь своей, и она накрыла. Не сразу, а лишь когда он поднял глаза. Его рука была теплой. Слишком теплой, как ей показалось. Он смотрел на нее и в то же время как будто бы сквозь. Словно никак не мог покинуть свои мысли.

Она чуть сильнее сжала его пальцы. Осторожно и нежно, будто боялась это делать. Раньше он бы ответил сразу. Не обязательно словами. У них вообще многое решалось не словами, а мимолетными прикосновениями, короткими взглядами, едва заметной улыбкой, после которой любые разговоры становились лишними.

Но сейчас его рука осталась неподвижной. Все такой же теплой, живой, родной — и все равно будто бы чужой.

Она списала это на страх. На год, который не прошел даром ни для него, ни для нее. Подумала, что он осторожничает, потому что однажды уже потерял всё и теперь боится сделать лишнее движение и разрушить то небольшое, что неожиданно удалось вернуть.

Он опустил взгляд к ее чашке. Латте стоял нетронутым, корица на поверхности расплылась неровным островком.

Она вдруг вспомнила, что еще не сделала ни глотка. Впрочем, желания выпить кофе у нее не было. Как и аппетита. Поэтому к печенью она тоже не притронулась.

Он смотрел на нее не моргая.

И все-таки будто бы не на нее. А в прошлое. На правду, с которой никак не мог смириться и все же сегодня, этим вечером, он попытался.

И, вероятно не смог, потому что вдруг медленно поднялся, накинул пальто и взял со спинки стула старый, местами затертый временем темный шарф. Тот самый, который она ему подарила. На их последний новый год.

Она растерянно посмотрела на него снизу вверх, ожидая хоть какого-то знака. Хоть взгляда, который сказал бы, что это не конец.

Он молча посмотрел мимо нее и пошел к выходу.

Сначала она не двинулась с места. Сидела за столиком, чувствуя, будто внутри нее что-то медленно осыпается, как старая штукатурка в парадной ее квартиры. Значит, всё-таки не смог. Пришел, увидел, вспомнил, понял, что правильных решений не отменить, даже если притвориться, что ничего не было и заказать черный кофе без сахара, латте с корицей и ее любимое печенье.

Кресло снова не скрипнуло, когда она вскочила и почти побежала за ним между столиками. Официантка у стойки не подняла головы. Молодая пара у двери смеялась над чем-то в телефоне и не посторонилась, так что ей пришлось про-

скользнуть между ними и стеной. Тяжелая дверь закрывалась за ним медленно, лениво. Он не придержал створку, как делал это раньше, но она успела проскочить до того, как дверь закроется.

На улице морось стала гуще. Мелкая водяная пыль блесла в свете фонарей, оседала на волосах, на ресницах, на темном асфальте. Машины ехали по проспекту ровным потоком, свет фар отражался в лужах, а в воздухе стоял запах бензина и выхлопных газов.

Он шел не оглядываясь.

Она шла за ним. Обиженная, испуганная, мокрая от дождя. И боялась сказать хоть слово.

На углу стоял маленький павильон с запотевшими стеклами, похожий на аквариум, в котором вместо рыб держали розы, хризантемы, пионы и связки сухоцветов. Она помнила эту лавку. Смутно, будто бы видела ее во сне. Когда-то они покупали здесь цветы. И кажется, смеялись. Вроде бы она тогда сказала, что не любит розы, потому что считает их «пошлыми цветами».

Снаружи тоже были цветы. На прилавке под навесом. Он не глядя взял маленький букет ее любимых хризантем и быстро расплатился.

У нее вздрогнуло сердце — с теплотой и трепетом. Она вдруг поняла. Он просто не смог сказать это в кофейне. Не смог взять ее за руку на людях, стыдился. Не смог улыбнуться, как не смог начать сначала там, где всё закончилось. Но

теперь он покупал ей цветы. Их цветы. Значит, еще не всё потеряно.

Она шагнула ему навстречу. А потом вдруг замерла, не веря своим глазам, потому что он прошел рядом, не удостоив ее и взглядом.

Светофор замигал зеленым, и она поспешила на другую сторону улицы. За ним.

Он уже стоял у ограждения, отделявшего мостовую от темного, бурлящего потока Невы. Это место не было самой красивой точкой набережной, здесь не фотографировались туристы, не стояла палатка с шаурмой. Просто точка, огороженная единообразным гранитным парапетом.

Он положил на него хризантемы и долго не убирал руку с букета, будто никак не мог его отпустить.

Она стояла позади, буквально в нескольких шагах. Смотрела на мокрый воротник его пальто, не понимая, почему он не взял с собой зонт. И ждала. Взгляда, жеста, даже легкой улыбки ей бы хватило, чтобы понять. Понять и наконец отпустить. Не мучить больше ни себя, ни его. Жить дальше.

А он просто смотрел на Неву до тех пор, пока по его щеке не скатилась одинокая слеза. Затем развернулся и уверенно зашагал ей навстречу.

Она не заметила, что тоже плачет. Но ей это было уже неважно. Ее ладонь протянулась вперед. К его щеке и... прошла насквозь. А следом, сквозь нее просочилось его пальто, шарф... его сердце. Тяжелое, несущее на себе бремя скорби.

Такое же, как и ее собственное.

Но его он не заметил и медленно пошел по набережной, глядя в пустоту перед собой.

Она осталась стоять у ограждения, не в силах обернуться. И еще долго смотрела на любимые хризантемы, на мокрый гранит, на черную воду за парапетом.

Он приходил сюда каждый год.

Сидел в «Вереске» за их столиком, заказывал ей латте с корицей и миндальное печенье. Покупал хризантемы. Крал их у Невы.

И каждый год она ждала его, приходя на свидание, которое так и не состоялось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.